

V. ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 94(470)

Л.М. Найбороденко

ПЕРВЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КУРСЫ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1881 г.

На основе впервые вводимых в научный оборот исторических источников раскрывается процесс подготовки и проведения в 1881 г. первых педагогических курсов в Томской губернии, в Западной Сибири. Курсы заложили основы повышения квалификации сибирского учительства.

Ключевые слова: педагогические курсы, учителя, программа.

В 2011 г. исполнилось 130 лет со времени проведения первого съезда народных учителей, который прошел как первые педагогические курсы в Томской губернии. Вопрос о периодизации первых учительских курсов в целом, о времени формирования системы повышения квалификации учителей является дискуссионным. Часть авторов убеждена в том, что система повышения квалификации учителей сложилась в стране еще до 1917 г. [1. С. 3–57; 2]. Есть документы, регламентирующие работу курсов, изданные в 1870, 1875 гг.; курсы были одногодичные, двухгодичные и краткосрочные, летние [3. С. 1473–1477]. Есть авторы, которые считают, что система повышения квалификации учительства появилась только в советский период, что до революции 1917 г. такой системы не было [4, 5]. Автору ближе первая точка зрения. Чтобы выяснить истину, в частности, в отношении Западной Сибири, необходимо было обратиться к публикациям и документам Государственного архива Томской области.

Первое упоминание о дате первых учительских курсов в Западной Сибири находим в статье историка образования профессора Ф.Ф. Шамахова «Система курсовой подготовки учителей начальной и повышенной школы в дореволюционной Западной Сибири», опубликованной в 1954 г. в «Ученых записках ТГПИ». Статья обстоятельная, анализирует проблему серьезно, ее содержание соответствует названию – существовала именно система. Нас интересует дата первых курсов учителей в Томской губернии, на странице 47 читаем, что «в нашей губернии, как видно из материалов главного инспектора училищ Западной Сибири, педагогические курсы по правилам от 5 августа 1875 г. года впервые были открыты в 1881 году» [1. С. 47]. Относясь с большим доверием и уважением к профессору, у которого мне посчастливилось учиться в начале 1960-х гг. в ТГПИ, я должна

была тем не менее перепроверить важную историческую информацию, причем вызывало недоумение, почему историк не дал материал о первых курсах, это же очень ценно. По источнику, данному Ф.Ф. Шамаховым, а это фонд главного инспектора училищ Западной Сибири, в Государственном архиве заказываю опись 1, дело 1021. Узнаю, что профессор работал с документами в 1953 г., что номер дела изменился, теперь это дело №1016.

На указанном в тексте статьи Ф.Ф. Шамахова листе 301 ничего не нахожу, взволнованно листаю назад, а затем вперед и, наконец, на листе 307 вижу документ от 15 апреля 1885 г. Это информация «исполняющего должность директора училищ Томской губернии П. Бильдинского, адресованная «господину Главному Инспектору училищ Западной Сибири» на его предписание от 5 марта 1885 г. о временных педагогических курсах. П. Бильдинский пишет, что не может сделать «никаких основанных на опыте заключений относительно курсов, так как никогда лично не присутствовал на таковых». И далее: «Бывшие в июле 1881 года в Томске курсы имели только теоретический характер и хотя, сколько видно из донесений бывшего директора Вашему Превосходительству, затрагивали очень важные вопросы, но, по видимому, не привели к точному решению этих вопросов». И затем автор документа излагает свое мнение по поводу Правил от 5 августа 1875 г. [6. Л. 307–308]. Далее на л. 309 в сообщении главного инспектора училищ Западной Сибири Максимова министру народного просвещения в ответ на его предложение дать соображения о том, «какие изменения признаются необходимыми по указанию опыта в правилах временных педагогических курсов для учителей и учительниц начальных училищ», читаю: «...имею честь донести Вашему Высочеству, что в Западной Сибири только один раз в июле месяце 1881 г. были в Томске временные

педагогические курсы», а далее – перечеркнут важный факт: «В остальных же местах по недостатку средств таковых ни разу не было, а потому указаний опыта по этому предмету не имею». Вместо перечеркнутой фразы написана другая: «причем никаких затруднений не встречалось» [6. Л. 309, 309об]. Итак, Ф.Ф. Шамахов дал дату курсов верно, указал направление поисков.

В деле № 840 об учительских съездах я обнаружила материал об учительском съезде в Томске [7. Л. 6–10]. Это большой по объему документ, в девять от руки написанных мелким почерком страниц, подписанный директором училищ Томской губернии Борисом Ивановичем Сциборским. Указана дата – 29 сентября 1881 г. С делом № 840 никто из историков не работал. Судя по содержанию, это подробный отчет директора училищ Томской губернии о первом учительском съезде, прошедшем в виде педагогических курсов по правилам от 5 августа 1875 г. Здесь же поясним, что учительские съезды имели место по всей стране. Министерство народного просвещения видело в них большую пользу: шло общение педагогов, обмен опытом, методиками обучения детей, «благотворное влияние их на учебную деятельность было велико», поэтому уже в 1860–1870-е гг. министерство подготовило нормативные документы по этому вопросу. Со временем стало ясно, что эти съезды носили обучающий характер для учителей, поэтому, в частности, в документе от 3 июля 1881 г. было зафиксировано право проводить учительские съезды в виде курсов в соответствии с Правилами от 5 августа 1875 г. Совпали цели проведения съездов и курсов, и посему на первое место вышли курсы, хотя и съезды сохранились, позже они станут традиционными августовскими учительскими конференциями. Курсы же регламентировались очень четко, указывались строго их цели, задачи, организационная сторона, финансирование, контроль за ними, состав слушателей, примерная программа и т.д. Все это содержалось в упомянутых Правилах от 5 августа 1875 г. В соответствии с этими Правилами педагогические курсы были кратковременным учебным заведением; в лице главного наблюдателя имели начальника заведения, в лице руководителей – наставников, а в лице учителей – учащихся; при курсах должна была устраиваться образцовая школа для практических занятий учителей; финансирование должны были вести инициаторы курсов – уездные и училищные советы, или земства (в Сибири их тогда не было); курсы открывались с разрешения попечителя учебного округа при учительских семинариях, городских училищах, имеющих необ-

ходимые пособия и опытных педагогов. Цели были те же, что и у современных курсов: «ознакомление учителей с лучшими способами обучения, обновление и пополнение их сведений в преподаваемых предметах, в деле ведения начального обучения». Важной нормой было обязательное получение разрешения на право открытия курсов [3. С. 1474–1477].

Инициатором первого съезда томских учителей и учительниц был директор Томской губернской гимназии и одновременно директор народных училищ Томской губернии уже упомянутый Б.И. Сциборский. Примерно в 1885 г. его на посту директора гимназии и училищ губернии сменил Петр Васильевич Бильдинский, тоже статский советник, чиновник с большими заслугами [8. Л. 114, 115, 116об].

Итак, Б.И. Сциборский, как и положено было тогда, обратился за разрешением собрать съезд томских учителей к главному инспектору училищ Западной Сибири, который располагался в Омске; 15 июля 1881 г. он отправил в Омск телеграмму: «Почтительнейше прошу исходатайствовать разрешение устроить съезд сельских учителей в конце сего июля. Директор Сциборский». Ответ последовал: «Съезд разрешается. Казенных денег не отпустят. Ехать на собственные принудить нельзя» [7. Л. 3,3об]. Но как же без «казенных денег» Б.И. Сциборский созвал съезд и провел его в виде курсов? Оказывается, потребность в съезде возникла среди томских учителей уже давно, и о его необходимости высказывались сельские учительницы в письмах к смотрителю училищ, но «денежный вопрос» сдерживал дело. Однако Борис Иванович после знакомства с ходом учебного дела в Томске, узнав, что большая часть сельских учителей Томского и Мариинских округов проводит «вакационное время в Томске и является очень часто к господину смотрителю по служебным делам», решился созвать в июле 1881 г. на съезд живущих в Томске сельских учителей и учительниц. Как отнеслись к известию о съезде учителя? Большинство из них узнали о предстоящих учительских собраниях и, представляя их себе чем-то вроде экзамена, скрывались от господина Буткева, смотрителя училищ, и потому в течение трех недель повестку о съезде подписали только 20 человек. «Из лиц, с нетерпением ожидавших съезда, была только одна сельская учительница» [7. Л. 4].

Итак, ждали съезда и ... боялись его. Говоря современным языком, съезд созывали на общественных началах, явка не была обязательной, средств не было, да и «нельзя было предложить никакого пособия», пишет организатор, нечем бы-

ло «заманить» на съезд. Ясно, что нужно было «приободрить учителей и приготовить их к этим собраниям»: «...на этом основании я решился дать съезду характер педагогических курсов и познакомить учащихся с важнейшими приемами, методами преподавания предметов курса народной школы и требованиями дисциплины» и затем уже ознакомиться со слов учителей с нуждами и состоянием школ, «чтобы наметить вопросы для будущего уже правильного съезда». Сциборский свой съезд воспринимал как неправильный, он отступал от Правил от 5 августа 1875 года, но попал в точку – методическими вопросами он заинтересовал учителей: на первое занятие 26 июля 1881 г. явилось около 30 учителей, на следующее – более 50 человек, затем число учителей увеличилось, «приехали из близких селений» [7. Л. 6,6об].

Съезд был открыт 26 июля 1881 г. директором училищ Б.И. Сциборским в здании Томской городской думы. При открытии присутствовал управляющий Томской казенной палатой М.А. Гиляров, позже его посетили некоторые гласные Думы, что соответствовало Правилам 1875 г. Важная деталь: отцы законоучители почти не принимали участия в съезде. Его заседания шли в необычном графике: с 18 часов вечера и до 20.30, иногда – до 21.15 вечера: помещение Думы было днем занято, да и учителя летним днем отдыхали [7. Л. 7].

Ключевым вопросом курсов была его программа. Б.И. Сциборский составил ее вначале в соответствии с Правилами 1875 г., но в силу того, что «принудить к личному труду учителей было нельзя», они боялись критики, были «робкими», руководитель не следовал требованию давать пробные уроки, составлять для них конспекты и подвергать все это обсуждению, поэтому ему пришлось отказаться от важнейшей части курсов – (практической) и ограничиться только теоретической. Между тем вопросы, обозначенные Б.И. Сциборским как теоретические, на самом деле были жизненно важны для учителей начальных училищ. Укажем их по документу: о способах обучения грамоте, употребляемых в начальной школе; об объяснительном чтении; о наглядном обучении и употреблении наглядных пособий; о книгах для чтения и других руководствах, употребляемых в школе; о числе учебных часов и распределении уроков между отделениями, группами детей; о занятиях в школе со второй половины апреля и до экзаменов (детей тогда распускали на летние каникулы накануне Пасхи), о том, как вести занятия при неаккуратном посещении школы учениками; о возвращении безграмотности и ме-

рах ее предупреждения; о введении преподавания ремесел; о более рациональном употреблении ваканционного времени учителями; о школьной дисциплине; о мерах взысканий с учащихся; о положении учащихся в селе и их отношениях к законоучителю и крестьянам. Методы преподавания элементарной арифметики первых двух классов были также освещены [7. Л. 7об].

Если следовать документам 1885 г., эффективность съезда-курсов была не очень высокая: не давали уроков в образцовой школе, не писали конспектов и т.п. Руководитель курсов указывает трудности их работы: учителя были застенчивы, скованы, «не всегда удавалось услышать искреннее слово, сказанное без задней мысли – не осудят ли ... несмотря на все старания вызвать учителей на откровенную беседу». Выше были названы и другие трудности в работе курсов, и тем не менее Б.И. Сциборский считал долгом заявить, что «занятия на съезде остались небесполезными для участвовавших» [7. Л. 8, 8об]. Думается, что директор училищ губернии в силу скромности оценил курсы именно так. Он был главным лектором на курсах, им было изложено большинство вопросов: об основах школьной дисциплины, о значении наглядности в преподавании вообще и использовании наглядности на «предметных уроках» в частности; Сциборскому, словеснику по профессии, помогал смотритель училищ Буткеев, который освещал такие темы, как звуковой способ обучения грамоте, о книге для классного чтения как центре обучения в школе и т.п. На курсах были рассмотрены и вопросы структурирования учебных занятий по классам (отделениям), причем выяснилась вся «трудность ведения дела в школах вследствие неодновременного поступления учащихся более шести разнообразных групп». Было решено: в наступающем 1882/83 учебном году по возможности держаться плана занятий, составленного для школ с трехлетним курсом обучения директором Новотюкалинской учительской семинарии Барановым; кроме того, была дана рекомендация ввести в школах недельный журнал с обозначением самостоятельных работ учащихся, а также вносить в него все подробности учебного дела «для отработки на будущем съезде плана занятий, более удовлетворяющего нашим народным школам». Это были ценные практические советы учителям, явно ими поддержанные [7. Л. 9об]. Курсы выявили неудовлетворительное состояние школьных помещений, а также недостаточно «усердное отношение законоучителей к своим обязанностям и не всегда правильный взгляд на положение учителя в школе и в селе». На решение этих вопросов

мог повлиять присутствовавший на курсах управляющий Казенной палатой Томской губернии Михаил Алексеевич Гиляров, он принял на себя обязательство улучшить и материальное состояние школьных помещений; он же был намерен при содействии архиепископа устранить терния между учителями, детьми и законоучителями [7. Л. 8, 9].

Первые курсы в Томске прошли, судя по документам, в четыре вечера, т.е. с 26 июля по 29 июля. Это был первый опыт «сближения» народных учителей между собой, первая попытка в Западной Сибири поставить педагогические проблемы и заинтересовать ими томское учительство. Был ли удачным первый опыт повышения квалификации учителей в губернии? Можно уверенно сказать: да. Свыше 50 учителей благодаря курсам повысили свою квалификацию, обменялись опытом [7. Л. 10]. Почему учителя были «стеснительными»? Один из ответов содержится в клятве, которую они давали на верность служению царю и отечеству [8. Л. 239, 239об]. Таким образом, первые педагогические курсы в Западной Сибири явились отражением объективной потребности народного образования конца XIX в. в профессио-

нальном развитии учительства. Они вместе с тем заложили традиции, основы системы повышения квалификации учительства в Западной Сибири, которая трансформируясь, существует и в XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шамахов Ф.Ф. Система курсовой подготовки учителей начальной и повышенной школы в дореволюционной Западной Сибири // Томский государственный педагогический институт. Ученые записки. Т. XI. Томск, 1954.
2. Никитин Э.М., Ситник А.П. Развитие сети учреждений и научно-методическое обеспечение повышения квалификации учительства в военные и послевоенные годы (40–70-е годы XX века) // Методист. 2004. № 1 и др.
3. Фальборк Г., Чернолусский В. Настольная книга по народному образованию. СПб., 1901. Т. II.
4. Худоминский П.В. Развитие системы повышения квалификации педагогических кадров советской общеобразовательной школы (1917–1981 гг.). М., 1986.
5. Паначин Ф.Г. Педагогическое образование в России. М., 1979.
6. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 125. Оп. 1. Д. 1016.
7. ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 840.
8. ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 886.